

как специального правового института, так и генерального (общего) правового института (нормы Общей части УИК РФ).

Не согласимся с точкой зрения А.А. Храмова, что не совсем правильно выделять отдельно институты исполнения наказания в отношении различных категорий осужденных (несовершеннолетние лица, женщины, больные осужденные и др.), поскольку предмет правового регулирования не обладает спецификой¹. Достаточно спорным также является мнение о возможности отдельного выделения правовых институтов на основании объекта регулирования («по аналогии с уголовным правом: общий – родовой – видовой – непосредственный, например, уголовно-исполнительное право – институт лишения свободы – институт режима – институт получения посылки») и выделение правовых элементов на основании признака кодификации уголовно-исполнительного законодательства (раздел УИК РФ (подотрасль) – глава (институт) – статья (субинститут))². Считаем, что сложность объединения в самостоятельные правовые институты и субинституты отдельных норм в уголовно-исполнительном праве связана с тем, что уголовно-исполнительное право, действительно, носит комплексный характер.

Таким образом, изучение внутреннего строения уголовно-исполнительного права (выделение самостоятельных правовых уголовно-исполнительных институтов и субинститутов) направлено на дальнейшую оптимизацию уголовно-исполнительного законодательства, повышение его эффективности, устранение пробельности. Соответственно, вопросы, связанные с выделением и классификацией элементов в системе уголовно-исполнительного права в структуре уголовно-исполнительного права, является актуальным с учетом выделения отраслевых и межотраслевых связей, поскольку уголовно-исполнительное право относится к числу комплексных отраслей.

Уткин А.В.

Национальный исследовательский
Томский государственный университет

**Уголовно-исполнительное и социальное законодательство:
проблемы взаимосвязи**

Конституция Российской Федерации (ст. 7) определяет Россию как «социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие

¹ Храмов А.А. Указ соч. С. 107.

² Там же. С. 107.

человека». Тесная взаимосвязь уголовно-исполнительной (исправительно-трудовой) и социальной политики отмечалась ведущими советскими учеными-пенитенциаристами¹. Это, однако, не снимало и не снимает конкретных вопросов соотношения законодательства об исполнении наказаний и законодательства, которое в самом общем виде можно именовать «социальным».

Статья 71 (п. «о») Конституции РФ относит уголовно-исполнительное законодательство к исключительному ведению Российской Федерации, то есть к компетенции федерального законодателя, тогда как «социальная защита, включая социальное обеспечение» – сфера совместного ведения Федерации и ее субъектов (ст. 72, п. «ж»). Данное конституционное положение, по нашему мнению, позволяет не только разграничить вопросы компетенции (что само по себе значимо), но и определить пределы «социального законодательства» как такового, то есть в собственном смысле слова. Под ним следует понимать законодательство о социальной защите, включая социальное обеспечение². Это принципиально важно, поскольку в ином случае пределы «социального» законодательства безбрежны, ведь социальная (общественная) сфера – весьма емкое понятие, включающее в себя различные области совместного сосуществования людей и социумов, для которых создаются надлежащие, в том числе правовые условия. Тем самым всякая сфера человеческих взаимоотношений как предмет правового регулирования – это сфера социальная.

Практическое значение рассматриваемого вопроса возросло в период подготовки кодификации российского уголовно-исполнительного законодательства в начале 90-х годов прошлого века в связи с необходимостью правового регулирования отношений в области трудового и бытового устройства освобожденных из мест лишения свободы. Как известно, ИТК РСФСР 1970 г. содержал специальную главу 18 «Помощь лицам, освобожденным от отбывания наказания (ст. 103, 104)» с конкретными законодательными предписаниями, в том числе в адрес местных органов власти. Это логично вписывалось в основную концепцию рассматриваемого кодекса («исправление трудом»), которое предполагалось завершать и после отбытия наказания.

¹ См.: Ременсон А.Л. Избранные труды. Томск: Изд-во ТГУ, 2003. С.22; Стручков Н.А. Курс исправительно-трудового права. Проблемы Общей части. М.: Юрид. лит., 1984. С. 13. и др.

² Интересно, что в данном контексте совершенно иной смысл приобретает ранее известный советскому праву термин «меры социальной защиты». Под ним в уголовном законодательстве (ст. 9 УК РСФСР 1922 г.) понимались меры уголовной ответственности. В данном случае меры социальной защиты – это меры социальной помощи, включая меры социального обеспечения.

Наименование нового кодекса как Уголовно-исполнительного не предполагало подобного продолжения, хотя актуальность этой задачи отнюдь не снизилась. В результате возникли предложения о включении отношений, связанных с постпенитенциарной адаптацией (ресоциализацией) освобожденных, в предмет уголовно-исполнительного права. Иная позиция состояла в том, что данные отношения, строго говоря, не являются уголовно-исполнительными, составляя предмет формирующегося в России социального законодательства¹.

Данная точка зрения, поддержанная учеными и практиками, нашла отражение и в подходе законодателя. Принятый в конце 1996 г. Уголовно-исполнительный кодекс РФ не содержит главы, аналогичной упомянутой выше главе 18 ИТК РСФСР. Среди указанных в ч. 2 ст. 1 УИК РФ задач уголовно-исполнительного законодательства упомянуто «оказание осужденным помощи в социальной адаптации», а ч. 2 ст. 2 относит к предмету уголовно-исполнительного законодательства в том числе «порядок оказания помощи освобождаемым лицам». Отметим, что и в том, и в другом случае закон не говорит об «освобожденных от наказания», а лишь об осужденных и освобождаемых лицах, то есть лицах, находящихся «в ведении» уголовно-исполнительной системы. Помимо этого в Кодексе есть бланкетная норма – ст. 182 «Права освобождаемых осужденных на трудовое и бытовое устройство и другие виды социальной помощи». В ней сказано, что «осужденные, освобожденные от ареста или лишения свободы, имеют право на трудовое и бытовое устройство и получение других видов социальной помощи в соответствии с законодательством Российской Федерации». В данном случае использование понятия «освобождаемый» можно объяснить стремлением законодателя сохранить терминологическое соответствие данной статьи упомянутой выше ч. 2 ст. 2 УИК РФ, хотя очевидно, что здесь имеются в виду именно освобожденные, то есть лица, покинувшие исправительные учреждения. Отметим также, что по смыслу данной статьи трудовое и бытовое устройство освобожденных – это виды социальной помощи, следовательно, соответствующее законодательство следует отнести именно к социальному.

Как указано в Конституции РФ, социальное законодательство в указанном нами выше смысле – предмет совместного ведения Федерации и ее субъектов. Как, к примеру, указано в ст. 2 Федерального закона от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ (в редакции от 24 июля 2023 г.), законодательство о социальной помощи состоит из «настоящего Федерального закона, других федеральных законов и иных нормативных

¹ Уткин В.А. Курс лекций по уголовно-исполнительному праву. Общая часть. Томск: изд-во ТГУ. 1995. С. 12.

правовых актов Российской Федерации, законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации».

Эффективным способом нормативного согласования интересов федерального центра и субъектов Федерации в таких случаях обычно является издание федерального закона в виде Основ с возможностью их дальнейшей конкретизации и адаптации на региональном уровне. Известно, что в начале века уже был подготовлен ряд законопроектов Основ законодательства Российской Федерации о социальной адаптации (социальной помощи) лиц, освобожденных из мест лишения свободы. Однако они так и не стали законами, поскольку на завершающих этапах так и не удалось определить «драйвера» данной деятельности: органы соцзащиты по понятным причинам вовсе не стремились брать на себя ведущую роль, располагая весьма ограниченными средствами и кадрами.

Ситуация заметно изменилась с принятием в начале 2023 г. Федерального закона «О пробации в Российской Федерации» (далее – Закон о пробации). Ее задачами, определенными в ст. 4, являются «создание условий для оказания помощи лицам, в отношении которых применяется пробация, в вопросах восстановления социальных связей, востребованности профессиональных навыков и трудоустройства, обеспечения жильем, получения образования, реализации права на социальное обслуживание, получения медицинской, психологической и юридической помощи *в соответствии с законодательством Российской Федерации*, обеспечение гарантий защиты прав и свобод человека и гражданина» (выделено мной. – А.У.).

Правовую основу регулирования общественных отношений в сфере пробации составляют не только федеральные законы и иные нормативные акты федерального уровня, но и «законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации» (ст. 2 Закона о пробации). Хотя целый ряд направлений деятельности администрации исправительных учреждений и уголовно-исполнительных инспекций, предусмотренных данным законом, уже давно осуществляются на практике, многоуровневость правовых основ пробации не позволяет однозначно согласиться с мнением проф. П.В. Тепляшина о том, что институт пробации как субинститут уголовно-исполнительного права «обладает федеральным действием»¹. Это косвенно признает и сам автор, указывая здесь же, что уголовно-исполнительное законодательство «способно абсорбировать только федеральные законы».

¹ Тепляшин П.В. Пробация как субинститут уголовно-исполнительного права // Вестник Кузбасского института. 2023. № 3 (56). С. 133.

Судя по тексту рассматриваемого закона, в нем можно выделить две группы норм: содержательные и организационные, причем последние явно преобладают. Конкретных видов помощи, кроме организационных, в нем практически нет. Это следует и из выделенных нами выше слов: «создание условий для оказания помощи ... в соответствии с законодательством Российской Федерации». Следовательно, параллельно с работой по подготовке введения данного закона в действие необходима серьезная работа по согласованию с потребностями пробации общепрофессионального законодательства, то есть законодательства о социальной помощи.

Нужно отметить, что оно весьма обширно и берет начало не с пенсионного законодательства, как это принято считать, а с Закона Российской Федерации от 19 апреля 1991 г. «О занятости населения в Российской Федерации». Ведь обеспечение занятости – необходимое условие трудоустройства осужденных и освобожденных от наказания, а пособия по безработице – важное средство их материальной поддержки на время отсутствия подходящей работы. Среди направлений государственной политики в области содействия занятости населения в нем указано и осуществление мероприятий, способствующих занятости граждан, испытывающих трудности в поиске работы, в том числе «лиц, освобожденных из учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы» (ч. 2 ст. 5).

Как это реализуется в конкретных направлениях? Обратимся к пособиям по безработице. Здесь в настоящее время имеет место явная рассогласованность между уголовно-исполнительным законодательством и практикой его применения и рассматриваемым законом. УИК РФ в ч. 2 ст. 105 устанавливает, что «время привлечения осужденных к оплачиваемому труду засчитывается им в общий трудовой стаж». Трудовая книжка (при наличии) выдается осужденному при освобождении, а при ее отсутствии администрация должна заблаговременно принять меры к ее получению (ст. 172 УИК РФ). Кроме того, работавшему осужденному выдается справка о средней заработной плате. Понятно, что для того, чтобы, предъявляя ее в службе занятости, бывший осужденный смог бы претендовать на более высокий размер пособия по безработице.

В соответствии с ч. 1 ст. 30 Закона РФ «О занятости населения в Российской Федерации» пособие по безработице выдается гражданам, уволенным по любым основаниям, указанным в данной статье, в процентном соотношении к среднему заработку по последнему месту работы, «если они в течение двенадцати месяцев, предшествовавших началу безработицы, состояли в трудовых (служебных) отношениях не менее 26 недель». Согласно ст. 15 Трудового кодекса РФ трудовые

отношения – это отношения, основанные на трудовом договоре (соглашении) между работником и работодателем. Таких договоров осужденные в местах лишения свободы не заключают, следовательно, их трудовая деятельность, сколько бы она ни продолжалась и независимо от получаемой ими заработной платы, не подпадает под основания начисления пособий по безработице, указанные в ч. 1 ст. 30 закона о занятости. В результате освобожденный из исправительного учреждения может претендовать лишь на минимальную величину пособия по безработице и не более трех месяцев в течение двенадцати месяцев.

Объем работы не предполагает подробного анализа рассогласованности уголовно-исполнительного и социального законодательства. Но очевидно, что в процессе подготовки к вступлению в силу и действия Закона о пробации подобные противоречия должны быть устранены. Это вытекает и из самого Закона о пробации, имеющего задачей также «обеспечение гарантий защиты прав и свобод человека и гражданина».

Рахматулин З.Р.,

кандидат юридических наук, доцент
Сибирский федеральный университет (г. Красноярск),
Ачинский филиал Красноярского государственного аграрного университета

Сорокун П.В.,

кандидат исторических наук, доцент
Ачинский филиал Красноярского государственного аграрного университета

К вопросу об административном усмотрении при исполнении уголовных наказаний

Вопросы эффективной реализации уголовно-исполнительной политики Российской Федерации являются актуальными и значимыми в настоящее время. Анализ данной деятельности должен осуществляться перманентно с учетом теоретических и прикладных проблем, опираясь на научное наследие, которое служит базой для развития современных пенитенциарных школ. К примеру, в работах В.И. Горобцова изучались как отдельные аспекты уголовных наказаний¹, так и

¹ Напр.: Горобцов В.И. О реализации Токийских правил в российском уголовном законодательстве // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями : сборник научных трудов. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2004. С. 4-6.